

УДК 316.356.2

СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА**Филипова Александра Геннадьевна**Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет*

В статье представлен анализ повседневных родительских действий по защите детства, обозначенных как практики. Эффективность процесса защиты детства рассматривается как результат соотношения двух разнонаправленных процессов — институционализации и фамилизации детства. На локальном уровне данное противостояние выражается в борьбе за ресурсы и влияние на ребенка учреждений (образования, здравоохранения, правовой защиты и социальной поддержки) и семьи. Процесс автономизации детства в контексте его защиты представлен как выработка самосохранительных практик при поддержке семейных и институциональных ресурсов. Эмпирической основой исследования служат данные глубинных интервью с родителями (N = 24).

Идеальным вариантом интеракций «семья – учреждения» обозначено социальное партнерство как сочетание активности родителей с поддержкой институциональных ресурсов. В основе другой линии интеракций («семья – ребенок») соотношение двух составляющих — родительской поддержки и самостоятельности ребенка. Стиль «адаптация» представлен как оптимальный вариант постепенного сужения сферы родительского вмешательства и контроля за счет обучения ребенка практикам безопасного поведения и самозащиты.

Ключевые слова: защита детства; семейные (родительские) практики; институциональные практики; безопасная среда; риски; ресурсы; самозащита.

FAMILY PRACTICES OF CHILDHOOD'S PROTECTION*Alexandra G. Filipova**Komsomolsk-on-Amur State Technical University*

The analysis of daily parental actions in the field of childhood protection, marked as practices, is presented in the article. Efficiency of process of childhood protection is considered as a result of two different directed processes — an institutionalization and a familization. At the local level this opposition is expressed by the struggle between education, health care, legal protection and social support's organization and family for resources and influence on the child. By the context of protection childhood's autonomisation is presented as development of self-protection practitioners with the help of family and institutional resources. Data of deep interviews with parents (N=24) form an empirical basis of research.

The ideal option of interaction «Family – Institution» is social partnership as a combination of parents' activity and institutional resources' support. As the base of other line of interaction («Family – Child») is defined two components — parental support and independence of the child. Style «Adaptation» is presented as optimum option of gradual parental intervention and control's narrowing due to the child's training in practitioners of safe behavior and self-defense.

Key words: childhood's protection; family (parental) practices; institutional practices; safe environment; risks; resources; self-defense.

Семейные практики защиты детства мы определяем как ежедневные типичные действия семьи по созданию поддерживающего окружения для ребенка, формированию у него навыков самосохранительного поведения, а также осуществле-

нию контроля за соблюдением норм безопасного поведения [9, с. 22]. Границы реализации семейных практик определяют формальные нормы («родители обязаны заботиться о воспитании, содержании и развитии своих детей»), однако в процессе выполнения они подкрепляются многообразными неформальными правилами.

Эмпирической основой исследования служат данные глубинных интервью с родителями

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МД-3569.2015.6).

(N = 24). Характеристика информантов-родителей следующие: (P1) Жен., 34 года, в разводе, дочери 5 лет (P2) Жен., 30 лет, замужем, сыну 2,5 года. (P3) Жен., 23 года, замужем, дочери 2 года. (P4) Жен., 34 года, не замужем, сыну 4 года. (P5) Жен., 35 лет, замужем, сыну 8 лет. (P6) Жен., 34 года, замужем, сыну 9 лет. (P7) Жен., 33 года, в разводе, двум сыновьям по 10 лет. (P8) Жен., 31 года, замужем, сыну 2 года. (P9) Муж., 38 лет, женат, сыну 9 лет.

В отечественной социологии сложилось два противоположных подхода к осмыслению современного состояния института семьи — кризисный и эволюционистский. Они являются теоретической базой противоположных концепций семейной политики. Согласно исследовательской позиции А.И. Антонова, В.Н. Архангельского, В.А. Борисова, В.М. Медкова и других, институт семьи в современной России переживает глубокий кризис. Он проявляется, главным образом, в неспособности российской семьи к качественно-му выполнению базовых функций — воспроизводственной, социализационной, интегративной, посреднической. Представители другой точки зрения (А.Г. Вишнеvский, А.Г. Волков и др.) интерпретируют наблюдаемые дисфункции российской семьи как свидетельства модернизационной трансформации института семьи. По их мнению, это явление следует расценивать как преходящее.

Институционализация vs. фамелизация детства

Кризисное и адаптирующееся состояния современной семьи лежат в основе двух разнонаправленных процессов защиты детства — его институционализации и фамелизации. Детство становится центром борьбы за влияние и ресурсы. *Институционализация* означает сосредоточение ресурсов в учреждениях образования, здравоохранения, социальной поддержки и правовой защиты. Соответственно институциональные практики определяются нами как формализованные процедуры предоставления услуг в области образования, медицинского обслуживания, социальной поддержки, а также защиты прав детей и семей, осуществляемые специалистами вышеозначенных учреждений. «Институционализация» — это процесс, развивающийся вследствие сокращения времени пребывания родителей с детьми, снижения их влияния на собственных детей. Вместо своих взрослые начинают воспитывать чужих детей в детских садах, школах, учреждениях социальной реабилитации. А.И. Антонов назвал эту ситуацию «современным алатычеством» [1, с. 295–296].

Фамелизация же означает перенос ответственности за жизнеобеспечение и развитие ребенка с государственных учреждений на его семью, который должен сопровождаться необходимой ресурсной поддержкой со стороны институций.

На практике мы можем нередко наблюдать противоборство институциональных и семейных защитных действий в отношении детства. Граница допустимости государственного вмешательства во внутренние дела семьи очень зыбка и совпадает с границей социального благополучия семьи. Как справедливо заметила З.Х. Саралиева, «... гарантом и катализатором сбережения, накопления сильного ресурсного потенциала служит максимальное соответствие социальных норм, определенных для семьи как социального института, с ценностями и интересами самой семьи» [5, с. 81]. Для согласования норм на государственном уровне задается рамка осуществления родительских прав и обязанностей, жизнеобеспечения детства в семье.

Семейные практики защиты детства подразделяются нами на родительские (отцовские и материнские) и родственные (в заботу включаются сиблинги, прародители). Родительские практики защиты ребенка формируются на противоречивом фоне российской реальности; с одной стороны, социальные «заболевания» российского общества (преступность, наркомания, алкоголизм, вовлечение в занятия сексом несовершеннолетних, похищение детей), создающие опасности для ребенка, а с другой — государственная идея усиления родительской ответственности. Родительство номинируется органами власти как позитивное, социально активное и ответственное. Нормативная модель родительства включает такие характеристики, как социальную зрелость родителей (готовность к выполнению родительских функций), ориентированность родительских прав на развитие ребенка, родительские компетенции (понимание того, что нужно ребенку в данной ситуации, на данном возрастном этапе) и др. [6, с. 24; 2, с. 19].

В качестве средства преодоления неблагополучия детства (уличной социализации, роста насилия в обществе в отношении детей, появления группы педагогически несостоятельных родителей, ущемления прав детей со стороны институций и пр.) предлагается профессионализация родительства. Культура ответственного родительства предполагает овладение специальными знаниями, поэтому в России появляются школы подготовки будущих родителей, разрабатываются

специальные программы, издается литература, создаются сайты для родителей. Исследования И. Забаева, Ж. Черновой, Л. Шпаковской демонстрируют родительство как проект, когда еще до рождения ребенка создается материальная, психобиологическая, профессиональная и личностно-компетентностная семейная база [3, 10]

В основе противостояния государственной интервенции и семейной автономности лежат общественный и индивидуальный смыслы детства [7, с. 4–5]. В первом случае речь идет о воспроизводстве социальной структуры общества, поэтому оправдывается вмешательство государства в дела семьи, принимающее в отдельных случаях форму изъятия ребенка из семьи. Осознание индивидуально-личностного смысла детства (усвоение социальных норм, ролей, вхождение в общество, самоидентификация индивида) объясняет стремление семьи эмансипироваться от государства: «родительство... не выполнение социального заказа, а совместная жизнь и сопереживание детей и родителей» [12, с. 334]. Противостояние государства и семьи трансформируется, таким образом, в официальном дискурсе в противостояние безопасности ребенка и автономности семьи.

Интеракции «семья – учреждения»

Для повышения эффективности социозащитных мер отношения «семья – учреждения» нуждаются в установлении диалога. Мы выделяем четыре типа взаимодействия семьи с государственными организациями, которые условно названы «бегство» (искейп), «мятеж», «ритуализм», «партнерство» (частично использована терминология Р. Мертон). В основе этой классификации два критерия — степень активности членов семьи, сформированности навыков самозащиты и отношение семьи к институциональным нормам (их принятие или отвержение).

Социальная пассивность родителей в сочетании с неприятием институциональных норм приводит к «бегству». В результате государственные учреждения (органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и др.) вынужденно принимают на себя защитные функции в отношении детей из таких семей.

«Ритуализм» по Р. Мертону — тип адаптации, когда индивид отвергает господствующие в данной культуре цели, которых он не может достичь, но одобряет и использует необходимые институциональные средства (порядок, система и т.д.) [4, с. 267]. Данный тип взаимодействия семей с государственными учреждениями развивается в тех

случаях, когда члены семьи не владеют навыками самопомощи и потому вынужденно прибегают к институциональной поддержке.

Одним из вариантов продвижения типа взаимодействия «мятеж» (социальная активность родителей сочетается с неприятием институциональных норм) стало развитие родительских сообществ как в реальном, так и в виртуальном пространствах. Ж. Чернова и Л. Шпаковская замечают: «Интернет стал площадкой или публичной ареной, которая позволяет представителям разных слоев и групп общаться, знакомиться, выражать свою позицию по тем или иным вопросам, участвовать в выработке коллективного мнения и договариваться о возможных совместных действиях» [11].

Идеальным вариантом развития отношений государства и семьи является «социальное партнерство» как взаимовыгодное сотрудничество. Родители и специалисты социозащитных учреждений предпринимают совместные действия по созданию комфортной, безопасной и развивающей среды для детей (обмениваются ресурсами, минимизируют риски).

Реплики информантов-родителей проиллюстрировали наиболее распространенные типы взаимодействия с учреждениями социальной защиты — «мятеж» (ситуации отказа от прививок ребенку, подача жалобы в отдел образования на классного руководителя, обращения к методисту детского сада при клеймлении ребенка воспитателем детского сада как неуспевающего) и «квазипартнерство». В имитации «партнерства» родительская активность сочетается с частичным (формальным) признанием институциональных норм:

...Приходишь [в детскую поликлинику], сам лечишь ...мы уже знаем как лечить-то ... [врач] со всем соглашается... (P1).

Я в продленке оставляю, вот, опять же, исходя из того, чтобы ребенок был под присмотром... на самом деле уроки он практически там не делал, мы делали всё дома (P5).

Ну, все равно в саду программа такая, еще по которой нас воспитывали, учили ... они сразу сказали... Ну, где сад занимается, но в основном, конечно, больше дома ... сам на себя больше надеешься... (P4).

Значимость институциональной поддержки возрастает в переходные моменты детства, требующие от родителей смены конфигурации практик. Во-первых, это появление ребенка, вызывающее реконструкцию внутрисемейных отноше-

ний, создание безопасной домашней среды, формирование кругов поддержки ребенка. Обращение к учреждениям в этом случае связано с несформированностью родительских компетенций. Институциональная поддержка родителей принимает формы занятий на базе женских консультаций, информационного сопровождения семьи (выпуск специальной литературы, проведение специальных программ).

Во-вторых, это переходы от раннего детства к дошкольному и от дошкольного к школьному детству, когда происходит расширение пространства детства (в него включаются школа, двор, секции), возникает проблема родительского противостояния асоциальному влиянию сверстников, как правило, детей из «неблагополучных» семей. Учреждения образования обеспечивают родителей дополнительным информационным ресурсом (консультации психолога, дефектолога, логопеда, других специалистов), помогают в выработке у детей необходимых социальных навыков, направленности на самосохранительное поведение и пр.

В-третьих, это переход от младшего школьного детства к подростковому возрасту. Для него характерны обострение потребности ребенка в личном пространстве, интимно-личностных отношениях, стремление вырваться из-под родительской опеки, стать взрослым. К институциональной помощи родителей толкает мультипликация рисков социальной среды отрочества. Однако к подростковому возрасту учреждения перестают заниматься формированием родительских компетенций и переключаются на формы социального контроля за поддержанием семейного благополучия.

Как показывает настоящее исследование, в области развития родительских компетенций ощущается явный дефицит институциональных практик, вызванный минимальным набором специалистов в социозащитных учреждениях, отсутствием служб психолого-педагогической помощи семье, поточным характером работы:

«Нет, ни психолога, ни логопеда ... Логопеды раньше платные были... по садам. А сейчас вообще никаких нет...» (P4).

«...Школа молодой матери — два занятия — это не в счет» (P2).

Интеракции «семья – ребенок»

Забота о здоровье ребенка, его безопасности, развитии находит отражение в разных родительских практиках, меняющихся по мере взросления ре-

бенка и постепенно замещающихся практиками самозащиты.

Анализ родительских практик защиты детства на разных его возрастных этапах позволил сконструировать четыре стили родительского поведения. Эти стили представляют крайние варианты соотношения родительской поддержки и самостоятельности ребенка. Условно мы обозначили их, используя высказывания информантов, как «тепличка», «школа жизни», «адаптация», «самоустранение».

Стиль родительской защиты «тепличка» направлен на изоляцию ребенка от рисков. В этом случае, особенно если позволяет финансовый ресурс семьи, вокруг ребенка создаются слои защиты. Характерной особенностью этого стиля защиты выступает одомашнивание детства, замещение общения со сверстниками пребыванием со взрослыми:

«Не с кем гулять во дворе <...> Он только с нами <...> Да. У него нет друзей ни с класса, ни со школы. Они тоже, вот, все живут по разным районам ...там практически нет детей, которые, вот, рядом живут» (P6).

«В основном он со мной и в моем окружении, взрослом... На работу к себе — в спортзале он занимается ...Таскаю за собой, и кроме детского сада пока ничего не посещает» (P4).

«Тепличка» предполагает избыток ресурсов при минимальных рисках, т.е., с одной стороны, между ребенком и опасной средой возводятся защитные барьеры, а с другой — сам ребенок перенасыщается ресурсами:

«У меня бабуля очень любит перестраховываться. То есть, когда я сама маленькая была...надо и одеть меня потеплее, и накормить меня побольше, и смотреть, чтобы я никуда не пошла» (P3).

Стиль «школа жизни» основывается на том, что ребенок сам учится защищаться, постепенно осваивая пространство взрослых. Родители не стремятся оградить ребенка от трудностей жизни, они считают, что он должен пройти через это все сам:

«Не надо бояться за них, они сами растут...растут и растут, ничего сложного в принципе» (P9).

Одна мама сравнивает этот стиль защиты с воспитанием дворняжек:

«...Мы не сюсюкались, когда воспитываешь, как дворняжек, они и не болеют» (P7).

Выталкивание детей из домашнего пространства сопровождается незначительным расхода-

нием семейных ресурсов на формирование у них навыков самосохранительного поведения. Механизмы контроля минимизированы по причине занятости родителей, ограниченности финансовых и социально-культурных ресурсов семей. Учреждения (детские сады, школы, загородные лагеря) рассматриваются как места «выживания» детей, где вырабатываются навыки коммуницирования, умения постоять за себя.

Стиль «адаптация» предполагает постепенное сужение сферы родительского вмешательства и контроля за счет обучения ребенка практикам безопасного поведения и самозащиты:

«... Ну, и дело не в том, чтобы его там оградить от чего-то, дело в том, чтоб научить, что, вот, нужно воспринимать, что хорошо, что плохо» (P5).

Ребенок воспринимается как «открытый миру», т.е. родитель не стремится его оградить, обезопасить. Этот мир ребенок сам, постепенно, при поддержке взрослого осваивает:

[про детский уголок в квартире] *«У него там есть свое пространство. Он подбирает то, что ему на данный момент больше всего нравится, я предоставляю ему возможность выбора позаниматься, я поддерживаю его инициативу» (P8).*

Взрослый прислушивается к ребенку, стремится «мягко» направлять, как высказался один родитель, использовать «подсказки», выстраивать отношения на доверии, проговаривать проблемы и т.д. Институциональные ресурсы включены в заботу о ребенке, но не избыточны, а достаточны. Родительская компетентность позволяет гасить тревожность и разрешать проблемные ситуации.

Сущность родительского стиля «самоустранения» или «искейпа» состоит в сведении семейных функций исключительно к удовлетворению физиологических потребностей ребенка. Все остальные функции возлагаются на учреждения либо на других участников кругов заботы:

«Мне ж на больничном сидеть не хочется. Я его привела [в детский сад] больного, быстренько стихнула» (P4).

«Бабушка, конечно, интересней, бабушка с ними и в кино, и в парки, и везде... в музеи. Мама — лентяйка в этом плане, бабушка с ними» (P7).

Подобная позиция родителей связана с педагогической некомпетентностью, инфантилизмом, нежеланием заниматься воспитанием и развитием собственных детей:

«... Она не хочет заниматься, и я её не заставляю. Дома книг навалом — и азбука, чего я только ни купила... Писать — мы не пишем, читать —

мы не читаем... Сейчас сядет возле телевизора...» (P1).

Стиль «искейп» часто проявляется при нарушении структуры семьи, например, в ситуации развода.

Главную роль в обеспечении защищенности ребенка, как показывают данные нашего исследования, играет мать. Материалы интервью иллюстрируют случайность, несистематичность отцовской заботы, включение которой обеспечивает мать или внешние обстоятельства (потеря работы, одинокое отцовство):

«Да на нем сейчас весь дом и на нем ребенок... ну он, будучи домохозяйном, немножечко занимается и ребенком» (P2).

«Это я уже железно заявила — вот у тебя есть час после работы, посиди с ней, смотри или книжки, или мультики...» (P3).

Поддержка прародителей заключается не только в предоставлении жилья и материальной помощи семье, но также в осуществлении ухода за маленьким ребенком, в участии в воспитании и присмотре за детьми-дошкольниками, в обучении и развитии детей-школьников. В условиях дефицита специалистов-психологов в образовательных учреждениях, утраты функции социального воспитания школами и производственными коллективами происходит частичное восполнение возникших лакун за счет ресурсов прародителей:

«Мама — педагог по образованию и по первой профессии... а во-вторых, то, что у нее все-таки больше времени, больше терпения... и больше, наверное, мудрости, опыта, вот, работы с детьми. Мы-то, нам кажется, что это всё — конец света — ребенок закорючку не научился писать, она-то уже эти процессы пережила. Уже знает, что это не конец света» (P5).

Заключение

Анализ семейных (родительских) практик защиты детства позволил выделить две ведущие линии взаимодействий — «родители – ребенок» и «родители-учреждения». В первой подсистеме критериями оценки эффективности родительских практик выступают стиль родительского защитного поведения, а также признание и поддержка самостоятельности ребенка. Во второй подсистеме критерий активности делит родительские практики на активные и пассивные, а включение/невключение в родительские практики институциональных ресурсов превращает их в формальные или неформальные.

Семейные (родительские) практики защиты детей являются первичными, институциональные — комплементарными, обращение семей к ним чаще всего происходит в ситуациях дефицита финансового и (или) социально-культурного ресурсов.

Финансовый ресурс, дифференцирующий родителей на обеспеченных и малообеспеченных, позволяет обеспеченным уходить от рисков (покупать качественные детские товары, создавать безопасную среду). Однако при дефиците социально-культурного ресурса обеспеченные родители создают «защитный кокон», демонстрируя следование институциональным нормам («ритуализм»), но не вырабатывают у детей навыков противостояния опасным влияниям. В то время как малообеспеченные родители при наличии социально-культурного ресурса могут формировать у детей навыки самосохранительного поведения, подключать к защите учреждения образования, социальной поддержки (стили взаимодействия «партнерство», «мятеж»). При сочетании финансовых возможностей с социально-культурным потенциалом родителей защита осуществляется на разных уровнях — ребенок, семья, школа, досуговые учреждения и пр. — с подключением ресурсов этих уровней.

Защита детства приобретает три вектора развития — «фамилизацию», «институционализацию», «автономизацию», которые задаются статусом семьи, социозащитных учреждений и статусом ребенка. Консенсус между семейным и институциональным влиянием на детство может быть найден в социальном партнерстве семьи и государства. На государственном уровне защищенность детства обеспечивается развитием социальной инфраструктуры детства и государственным контролем за соблюдением законодательства в области защиты прав детей, на семейном — привитием навыков безопасного поведения, формированием поддерживающего окружения.

Список литературы

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
2. Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. М.: ИС РАН: Генезис, 2004. 231 с.
3. Забаев И. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста // INTER. 2009. № 5. С. 40–55.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная

структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

5. Саралиева З.Х. Семья — клиент социальной работы: учеб. пособие. Н.Новгород: ННГУ, 2003. 286 с.
6. Семья и родительство в современной России / Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. URL: <http://www.fond-detyam.ru> (дата обращения: 10.05.2013).
7. Филипова А.Г. Институт образования как субъект защиты детства // Человек и образование. 2010. № 4. С. 4–9.
8. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4. С. 188–197.
9. Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России: институциональный анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Хабаровск, 2013. 44 с.
10. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19–43.
11. Чернова Ж., Шпаковская Л. Родительство-2010: гражданский активизм и новые солидарности // Cogita!ru. 2010. № 28. URL: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/roditels-tvo-2010-grazhdanskii-aktivizm-i-novye-solidarnosti> (дата обращения: 14.02.2015).
12. Шмидт В. Что приводит защиту детей к успеху или провалу? Как история обуславливает современные проблемы обеспечения прав детей в Чехии и России // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 3. С. 331–352.

Получено 20.03.2015

References

1. Antonov A.I. *Mikrosotsiologiya sem'i: Uchebnik* [Microsociology of family: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 368 p. (In Russian).
2. Dement'yeva I.F. *Sotsializatsiya detej v sem'e: teorii, faktory, modeli* [Children's socialization in family: theories, factors, models]. Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences Publ., Genезis Publ., 2004, 231 p. (In Russian).
3. Zabaev I. [Image of child by Russian metropolises' citizens. Following biographic interviews with the Russians of reproductive age]. *INTER* [INTER]. 2009, no 5, pp. 40–55. (In Russian).
4. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., 2006, 873 p. (In Russian).
5. Saralievа Z.H. *Sem'ya — klient sotsial'noj raboty:*

- Uchebnoe posobie* [Family as a social work client: Study guide]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 2003, 286 p. (In Russian).
6. [Family and parenthood in modern Russia]. *Fond podderzhki detej, nahodyaschihsya v trudnoj zhiznennoj situatsii* [Supporting fund for children in hardship]. Available at: <http://www.fond-detyam.ru>. (Accessed 10.05.2013). (In Russian).
 7. Filipova A.G. [Educational institute as a subject of childhood's protection]. *Chelovek i obrazovanie* [A man and education]. 2010, no 4, pp. 4–9. (In Russian).
 8. Filipova A.G. [Cultural-informative space of childhood: risks and resources of social protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013. No 4 (16), pp. 188-197. (In Russian).
 9. Filipova A.G. Sotsial'naya zaschita detstva v sovremennoj Rossii: institutsional'nyj analiz: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk [Social childhood's protection in modern Russia: institutional analysis: Author's abstract for procuring of degree of doctor of sociological sciences]. Khabarovsk, 2013, 44 p. (In Russian).
 10. Chernova Zh., Shpakovskaya L. [Young adults: matrimony, partnership, parenthood. Discursive precepts and practices in modern Russia]. *Laboratorium* [Laboratorium]. 2010, no 3, pp. 19–43. (In Russian).
 11. Chernova Zh., Shpakovskaya L. [Parenthood-2010: civil activism and new solidarities]. *Cogita!ru* [Cogita!ru]. 2010, no 28. Available at: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/roditels tvo-2010-grazhdanskii-aktivizm-i-novye-solidarnosti> (Accessed 14.02.2015). (In Russian).
 12. Shmidt V. [What leads childhood's protection to success or to failure? How history determines contemporary problems of children's rights securing in Czech Republic and Russia]. *Zhurnal issledovaniij sotsial'noj politiki* [The journal of social policy studies]. 2010, no 3, pp. 331–352. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 20.03.2015

Об авторе

Филипова Александра Геннадьевна
доктор социологических наук, профессор
кафедры философии и социологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет,
681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27;
e-mail: alexgen77@list.ru

About the author

Filipova Alexandra Gennadjevna
D.Sc. (Habilitation), Professor of Philosophy
and Sociology Department

Komsomolsk-on-Amur State Technical University,
27, Lenin av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia;
e-mail: alexgen77@list.ru

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Филипова А.Г. Семейные практики защиты детства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 81–87.

Please cite this article in English as:

Filipova A.G. Family practices of childhood's protection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 81–87.